

УДК 32.001

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.3750

ИССЛЕДОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам концептуального осмысления и теоретическим рецепциям мягкой силы в российской политической науке. Выделяются типичные моменты в циркуляции концептов в мировой политической науке, которые находят свое отражение в российских разработках концепта мягкой силы. Рассматриваются следующие фазы циркуляции концепта мягкой силы в российской политической науке: создание концепта с последующей его популяризацией; принятие концепта академическим сообществом, адаптация его к задачам внешней и внутренней политики страны, в том числе, включение концепта в дискурсивное поле научных дисциплин, а также – процесс его легитимации посредством фигурирования в официальных политических документах; критическое осмысление концепта и его обновление новыми методологическими подходами и разработкой новых предметно-тематических полей. В статье выделяются основные проблемные зоны концептуального анализа мягкой силы в российской политической науке.

Ключевые слова:

мягкая сила, жесткая сила, российская политическая наука, рецепция концепта мягкой силы, пропаганда, инверсия мягкой силы.

Введение

Современная система международных отношений переживает период глубоких трансформаций, которые обусловлены нарастанием таких явлений, как технологизация, медиатизация, гибридизация и интеллектуализация политических практик. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий повышает скорость принятия решений, интенсивность международных взаимодействий и взаимовлияний. Параллельно с увеличением взаимосвязанности и взаимозависимости повышается конкуренция государств за обладание материальными и нематериальными ресурсами, обостряется борьба политических субъектов за расширение пространств своего «мягкого» и «жесткого» влияния. Успешность и эффективность как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических стратегий оказываются в непосредственной зависимости от способности политических акторов умело и гибко комбинировать в теории и на практике инструменты и технологии мягкой и жесткой силы, что является базовой характеристикой «умной власти». Сегодня не только Соединенные Штаты Америки и страны Европейского Союза прилагают большие усилия в совершенствовании «мягких» и «жестких» технологий своего влияния на конфигурацию современного мирового порядка, но также и такие относительно новые центры геополитического влияния, как Китай и Россия.

В современном Китае политическим исследованиям мягкой силы (далее – МС), а также изучению международной практики применения «умной силы», придается огромное значение. Совершенствование МС Китая рассматривается как одна из приоритетных государственных задач на пути политического развития страны [36, с. 33]. Одновременно в КНР осуществляется постоянное расширение институциональной инфраструктуры, ответственной за увеличение китайской МС. По объему научных публикаций, экспертных трудов и прикладных исследований, посвященных проблематике МС, Китай занимает одно из ведущих мест в мировой академической практике.

Что касается институционального и научно-отраслевого уровня продвижения проблематики МС в России, то он, к сожалению, пока еще заметно ниже, чем в Китае, не говоря уже о США. Вместе с тем, в последние годы российская политическая наука смогла осуществить целый ряд ценных шагов в области теоретического моделирования концепта, анализа структурных компонентов и изучения новейших технологий МС. Среди ее достижений можно также назвать систематическую работу по выявлению новых исследовательских полей и политических практик, в контекстах которых теория и дискурс МС обретают новые смысловые и прикладные значения.

Важную роль в развитии «мягкосиловых» исследований в России сегодня играют проводимые в стране на регулярной основе научные конференции, в фокусе внимания которых – разнообразные методологические грани кон-

цептуального анализа МС, национальные модели, институциональные формы, управленческие функции и технологии измерения МС [5; 15]. Особенно пристальное внимание российские ученые уделяют проблемам, связанным, во-первых, с терминологической отстройкой понятия «мягкая сила» от других, близких по смыслу категорий; во-вторых, – с обобщением и критическим осмыслением опыта зарубежных стран в плане развития национальных потенциалов МС; в-третьих, – с построением интеграционной модели МС России, распространяемой на евразийское пространство; в-четвертых, – с включением таких факторов, как цифровизация и информационная мобильность в систему измерения потенциалов мягкой силы. Уверенный выход на указанную проблематику был сделан в результате полного и окончательного освобождения российских исследований мягкой силы от «болезни» академического ученичества, а также – от противоречивого и невнятного характера официального дискурса относительно задач разработки стратегии МС для России.

Пути освоения и рецепции концепта МС в российской политической науке

На пути теоретико-методологического освоения концепта МС российская политическая наука призвана была преодолеть ряд затруднений. Одно из них носит общий методологический характер и определяется основными этапами научного признания той или иной концепции. Можно выделить несколько типичных моментов в циркуляции концептов в мировой политической науке, которые относятся к концепту МС:

1. Создание концепта конкретным автором или научным коллективом с последующей его популяризацией в академической среде.

2. Принятие концепта академическим сообществом страны, адаптация его к задачам внешней и внутренней политики:

2.1. внедрение концепта снизу-вверх: распространение концепта на уровне научных публикаций, материалов в СМИ, включение концепта в дискурсивное поле научных дисциплин;

2.2. внедрение концепта сверху-вниз: упоминание названия концепта в выступлениях лидеров страны, использование его в официальных документах, затем – активное включение в конкретные стратегические и научные проекты государственного значения.

3. Критическое осмысление концепта, обновление его новыми методологическими подходами и идеями, возникновение оригинальных способов прочтения, открытие новых предметно-тематических полей.

Исторически сложилось так, что лидером создания и популяризации большинства современных концептов и понятий политической науки выступает научное сообщество США. Концепт «мягкая сила» не является исключением. Он был придуман американским политическим деятелем Дж. Наем в 1990 г. [33], который предпринял активные попытки его популяризации путем выпуска ряда журнальных статей, книг, выступлений с разъяснением содержания. Концепт создавался с четкими целями – разубеждения мирового академического сообщества в скором упадке мирового господства США, поддержания доминирующего положения данного государства и распространения его нормативной

силы. Естественно, учитывая неолиберальный характер теории МС Дж. Ная, она в ряде стран, в том числе и в России, была воспринята с опаской, поскольку не без оснований рассматривалась в качестве самостоятельного инструмента идейно-политического влияния. Для многих исследователей было очевидно, что концепция МС в интерпретации Дж. Ная означает, прежде всего, обоснование стратегии мягкой гегемонии США на международной арене.

Принимая во внимание российскую традицию чуткого улавливания академическим сообществом «идейных сигналов», производимых представителями политического истеблишмента, необходимо отметить, что первоначальный яркий всплеск массового интереса к проблематике МС в среде российских политологов был связан с включением понятия «мягкая сила» в тексты выступлений лидеров страны (выступления министра иностранных дел С. В. Лаврова, председателя правительства Д. А. Медведева, президента РФ В. В. Путина и других официальных лиц), а также – со включением термина в стратегические документы (например, в Концепцию внешней политики Российской Федерации 2013 и 2016 гг. [10]).

В плане научной легитимации проблематики МС наиболее авторитетными источниками считаются выступления президента России В. В. Путина, который напрямую связал мягкую силу с задачами формирования позитивного образа страны на международной арене [27]. В то же время в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» [21] Путин критически высказался в отношении целей и методов применения «мягких стратегий» иностранными государствами, указав на то, что зачастую они используются для дестабилизации политической ситуации в стране, манипулирования настроениями общественности, усиления экстремистских и сепаратистских тенденций и вмешательства во внутреннюю политику. Данный «сигнал» стал определенным стимулом для формирования альтернативного взгляда на МС, для выявления ее инверсионного характера (обращение в свою противоположность) [19; 23].

Последующие всплески интереса к проблематике МС были связаны с цепочкой цветных революций на территории бывшего Советского Союза и украинским кризисом [16; 25; 30].

Отметим, что российский опыт рецепции концепта МС и внедрения его в научный оборот национального академического сообщества весьма схож с китайским: в обеих странах его продвижение шло «сверху-вниз». В Китае количество статей, посвященных данной тематике, резко выросло после проведения XVII съезда КПК в 2007 г., на котором мягкая сила была включена в основные цели китайского общества. Китайские правительственные институты, как и российские государственные структуры (МИД, Россотрудничество), являются центрами формирования стратегических программ и проектов развития национальной МС [9]. Однако существуют и различия. Если в России заданный правительством основной вектор развития МС определяется конкурентным характером международных отношений, и поэтому содержит необходимость противостояния скрытому иностранному воздействию, а также включает некоторые моменты сожаления по поводу «догоняющего» характера российской стратегической мысли в данной области, то в КНР центральным тезисом стратегии МС является ее содействие построению социализма с китайской спецификой, а также задача гармонизации баланса «мягкой» и «жесткой»

сил. Интересно, что Дж. Най, комментируя опыт рецепции концепта данными странами в статье «Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» указал, что главной ошибкой принятия его теории в обеих странах является стремление разрабатывать исключительно государственные инструменты развития «мягкого потенциала», тогда как основной акцент следует делать на развитии гражданского общества [14].

Популярность концепта МС в России подтверждается значительным количеством квалифицированных работ, посвященных данной тематике. С 2007 по 2019 гг. было защищено более 20 кандидатских и докторских диссертаций по проблематике МС. Из них порядка 65% работ – по политическим наукам, причем большая их часть – по специальности «Политические проблемы международных отношений»; около 20% приходится на исторические науки («История международных отношений и внешней политики» и «Всеобщая история»), прочие относятся к философской науке, лингвистике, связям с общественностью и другим дисциплинам.

Разнообразие специальностей обусловлено как междисциплинарностью проблемно-тематического поля концепта МС, так и его «зонтичным» характером: концепт МС является «рамочным» для дискурсов символической политики, имиджевого и брендового маркетинга, публичной, культурной и гуманитарной дипломатии, а также входит в теоретический арсенал современной политической философии [24]. Диссертации по политическим наукам, в основном, посвящены анализу МС во внешней политике отдельных стран. Как правило, это ведущие западные государства – США, Великобритания, Германия, Франция, а также Китай [2; 28; 29; 31]. Отдельно выделим диссертации, посвященные МС России: Будаев А. В. «Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений)» [3], Агеева В. Д. «Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации» [1].

Среди теоретически значимых коллективных исследований и монографий, изданных российскими учеными, можно назвать следующие:

1) Работа «Soft power: теория, ресурсы, дискурс», написанная коллективом авторов Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург). В ней мягкая сила исследуется как аналитический концепт, как ресурс развития, особый дискурс и инструмент коммуникации [35]. Большое внимание уделено национальным моделям МС, в том числе российской.

2) Монография «Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ» [34], в которой дается теоретическое осмысление исследуемого понятия, раскрываются особенности дискурсивного инструментария мягкой силы – «повестки дня», языка, использования возможностей СМИ.

3) Сборник научных статей «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях)» [6]. В нем такие понятия, как имидж, бренд, репутация и образ рассматриваются в связи с механизмами влияния, присущими «мягкой силе» – привлекательностью определенного актора или фактора внешнего воздействия.

4) Сборник трудов «Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции» (Екатеринбург, 17 октября 2018) [13]. Сборник посвящен

современным исследованиям феномена мобильности как способа измерения МС и фактора политических трансформаций в условиях возрастания глобальных и региональных вызовов, ускорения коммуникативных процессов.

Основные проблемные зоны концептуального анализа мягкой силы в российской политической науке

В российской политической науке ряд проблем концептуального осмысления МС рассматривается под углом зрения методологических вопросов, в числе которых можно выделить следующие:

1) Является ли термин, предложенный Дж. Наем, действительно оригинальным?

Ответ на данный вопрос довольно однозначен: мягкая сила – новый концепт, который описывает отнюдь не новое по своей природе явление. Истоки его связывают с идеями древнекитайского философа Лао-Цзы, полагавшего, что в мире нет предмета слабее и нежнее воды, который, тем не менее, может разрушить самый твердый предмет. В качестве наиболее наглядного примера воздействия мягкой силы приводится женская привлекательность в противовес мужской жесткой силе [4]. Еще одной теорией, сходной с идеей Дж. Наея, считается учение марксиста и философа А. Грамши о культурно-идеологической гегемонии. Сходными чертами позиции двух этих авторов являются: 1) выделение двух видов воздействия на объекты: «жесткое» и «мягкое» (насилие и согласие); 2) придание большого значения культуре, традициям и ценностям для установления гегемонии – максимального увеличения собственного влияния; 3) подчеркивание огромной роли гражданского общества для увеличения государственного влияния [9, с. 22]. Основные расхождения происходят из-за различий идеологического характера: марксистские взгляды А. Грамши и неолиберальные – у Дж. Наея. Кроме того, разработанное Дж. Наем понятие «мягкой силы» связывается со смысловыми значениями концептов соблазна и обольщения, содержащихся в работах известных философов Ж. Бодрийяра и Ж. Липовецки [24, с. 180–182].

В целом, отношение к генезису исследуемого концепта хорошо сформулировал А.Н. Чумаков: «Понятие «мягкая сила» хотя и появилось совсем недавно, отражает оно явление столь же древнее, как и человеческие отношения». В то же время, по мнению автора, заслуга Дж. Наея и других исследователей данной области состоит в том, что «они первые стали рассматривать мягкую силу как важнейший инструмент влияния, предоставляющий для этого массу новых возможностей, а также как ключевой элемент лидерства...» [32].

2) Является ли теория мягкой силы полезной и инструментальной в научном плане?

С одной стороны, звучность термина (и даже его оксюморонность) [8], а также предложенная Дж. Наем его направленность на возрастание привлекательности (аттрактивности), создала методологические трудности для исследователей: как корректно переводить термин, что он означает и каков будет результат его структурного анализа? По поводу звучания термина в русском языке к настоящему времени сложился консенсус: чаще всего понятие «мягкая сила» используется как синонимичное понятию «мягкая власть». Власть здесь

понимается в широком смысле – как властное могущество вообще, способность одного актора воздействовать на сознание или действия другого. Исследователь Е. П. Панова настаивает на употреблении термина «мягкая власть» в качестве базового понятия, когда речь идет о возможности изменять поведение других, заставляя делать то, что в ином случае реципиенты не сделали бы под влиянием воздействия внешних акторов [17].

В российском дискурсе превалирующим является определение МС как силы привлекательности, притяжения. Например, Ю. В. Синчук определяет МС как форму внешнеполитической стратегии, предполагающей способность добиваться желаемых результатов на основе симпатии, добровольного участия, привлекательности [26, с. 267]. В то же время встречается и технологическое, инструментальное определение МС: например, мягкая сила рассматривается как «комплексный инструментарий для решения внешнеполитических задач...» [10]. Это, на наш взгляд, связано с двойственной природой самого явления: с одной стороны, МС страны – это ее потенциальная привлекательность, некий набор ресурсов (богатая культура, развитый человеческий капитал, притягательная экономическая модель и т. д.), а с другой – это технология влияния, которая может включать ряд инструментов достижения внешнеполитических целей.

Что касается проблемы акторов, инструментов и структурных компонентов МС, то можно отметить следующее:

- акторами МС могут быть страны, организации (государственные и негосударственные структуры, которые по своему масштабу могут варьироваться – от крупных транснациональных компаний до локальных, но имеющих влияние на определенную аудиторию), а также – отдельные личности («звезды», блогеры, политики и т. п.);

- среди инструментов МС можно выделить государственные программы научного, творческого и образовательного обмена, средства массовой информации, кампании социальных медиа.

3) Каковы политические функции мягкой силы?

Основной функцией мягкой силы признается увеличение власти государства, его веса на мировой арене. Утверждается, что она позволяет странам решать стратегические и тактические задачи в области международных отношений, латентно воздействовать на аудиторию, реализуя как национальные интересы, так и интересы глобальных элит [7]. В целом же, ее функционал, описанный в отечественной литературе, может меняться диаметрально – от гуманистической направленности (помощь в преодолении проблем современности, формирование дружественных отношений между странами; в этом случае о ней пишут в связке с гуманитарной дипломатией, парадипломатией и т. д.) до дестабилизации политической обстановки в стране. Эта оценка зависит от подхода, которого придерживается автор, а также от того, кто является объектом и субъектом применения МС.

Так, зачастую, когда речь идет о МС России, перечисляются возможности использования «мягких» инструментов с целью гармонизации отношений с другими странами, усиления культурного и политического влияния. Например, в статье Ф. Руми и А. С. Матвеева находим, что мягкую силу можно применять для преодоления недоверия в российско-иранских отношениях. Для этого пред-

лагаются реализовывать совместные проекты в гуманитарной и экономической сферах [22, с. 173]. В том же случае, когда Россия является субъектом воздействия иностранного «мягкого влияния», речь может идти о дисфункционализации государственного управления [18, с. 96].

А. О. Наумов, в монографии «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века» рассматривает МС как средство дестабилизации государства, скрытого влияния на происходящие в стране процессы, насаждение определенных стереотипов в общественное сознание для достижения корыстных целей [15, с. 21]. Автор утверждает, что методика ненасильственного сопротивления, предложенная Дж. Шарпом, является, с одной стороны, типичным воплощением МС, а с другой – позволяет сочетать «жесткие» и «мягкие» механизмы, то есть, реализовывать технологии «умной силы». На основе данного теоретического фундамента Соединенные Штаты осуществили целый ряд переворотов в зарубежных странах во второй половине XX в. В начале XXI века эта теория, модернизированная с учетом изменившихся условий, была апробирована в ходе цветных революций в Сербии, Грузии, Украине, Тунисе и Египте [15, с. 47].

4) Проблема категориальной дифференциации понятий МС и пропаганды.

Данная проблема получила свою теоретическую разработку в работе М. М. Лебедевой [12]. М. М. Лебедева считает, что главное отличие МС от пропаганды состоит в том, что МС не использует манипулятивные технологии для достижения эффекта привлекательности. МС опирается на принцип добровольности, не допускает навязывания или стимулирования выбора, предполагает создание доверительных отношений между политическими акторами [11, с. 215].

5) Выявление инверсионного характера МС.

С позиции коммуникативно-технологического подхода, получившего широкое распространение в исследованиях МС, раскрываются коммуникативные обстоятельства, при которых определенные практики влияния начинают утрачивать свои «мягкие» характеристики. В результате МС превращается в свою противоположность, то есть в жесткую силу. К примеру, моральная и финансовая поддержка протестных общественных организаций, выступающих с критикой существующего политического строя, в случае если данные организации берут курс на радикальное противостояние существующему режиму, превращается в итоге в инструмент поддержки «жестких» форм политического влияния. Вместе с тем, может происходить и обратная инверсия, в том случае, когда «жесткая сила» в форме вооруженного вмешательства одновременно выступает фактором оказания гуманитарной помощи подверженному насильственным действиям населению, к примеру, со стороны террористических формирований. В таком случае «жесткая сила» в форме активных действий вооруженных освободительных сил одновременно берет на себя функцию МС, направленной на производство гуманитарной помощи [23].

Представление об амбивалентности ресурсов МС наводит на мысль о том, что не существует строгого разграничения между «мягкими» и «жесткими» инструментами воздействия. Данное утверждение получает свою практическую реализацию в ныне популярной концепции «умной власти», которая принимает во внимание фактор инверсионности «мягких» и «жестких» сил влияния.

Заключение

За последние годы отечественными исследователями был осуществлен ряд шагов, направленных на теоретическое моделирование концепта МС, анализ его структурных компонентов и функций. Важную роль в выявлении новых исследовательских полей и практик мягкой силы сыграли проведенные в стране конференции, ряд изданных монографий и защищенных кандидатских и докторских диссертаций. Отечественные авторы сходятся во мнении, что концепт МС описывает отнюдь не новое по своей природе явление. В то же время указывается, что заслуга Дж. Ная и других исследователей данной области состоит в том, что они стали рассматривать мягкую силу как важнейший инструмент влияния, показали перспективы практического применения концепта МС в эпоху интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий. Важно отметить, что функционал МС, согласно отечественным исследованиям, может служить как гуманитарно-созидательным, так и дестабилизирующе-разрушительным целям. Связывание практик мягкой силы с технологиями цветных революций характерно именно для российских исследователей, и практически не встречается у западных авторов. Еще одним результатом осмысления сущностных характеристик мягкой силы в отечественных работах является выявление ее инверсионного характера: в определенных обстоятельствах «мягкие» практики начинают приобретать «жесткий» характер. В целом, феномен МС как современный инструмент влияния государств на международной арене является весьма популярным предметом исследования в российской политической и гуманитарной науке, при этом изменяющаяся глобальная международная среда задает новые векторы его теоретического и прикладного анализа.

1. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2016.
2. Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2015. 234 с.
3. Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): дис. ... канд. полит. наук. М., 2014, 200 с.
4. Бурматов В.В. Уникальна ли «мягкая сила» для демократического общества // Власть. 2012. № 11. С. 9–13.
5. Вторая международная конференция «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1. С. 61–153; № 2. С. 103–162; № 3–4. С. 90–190; С. 229–275.
6. Дневник Алтайской школы политических исследований № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 235 с.
7. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая по-

литика. 2015. № 1. С. 89–122.

8. Карданова А.А. Оксюморонность как проявление контаминации в языке // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 53–58.

9. Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2017. 173 с.

10. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 07.05.2017).

11. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 07.05.2017).

12. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223.

13. Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции (Екатеринбург, 17 октября 2018). Научное электронное издание / Ред. О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2018. 110 с.

14. Най Дж. Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html> (дата обращения: 03.03.2019).

15. Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 274 с.

16. Неймарк М.А. «Дилеммы «мягкой» и «жесткой» силы: к урокам украинского кризиса // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 1. С. 5–37.

17. Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2012. 160 с.

18. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111.

19. Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoj-sily/> (дата обращения: 13.04.2016).

20. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 5–6. С. 38–47.

21. Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 16.12.2017).

22. Руми Ф., Матвеев А.С. Возможности использования Россией «мягкой силы» для преодоления недоверия в российско-иранских отношениях //

Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, политология. 2016. № 1. С. 173–177.

23. Русаков В.М. Мягкая сила военной мощи // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4. С. 96–107.

24. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft Power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 172–192.

25. Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории softpower, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4. С. 42–47.

26. Синчук Ю.В. «Мягкая сила» в мировой политике // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Московский государственный лингвистический университет. 2017. С. 267–275.

27. Совещание послов и постоянных представителей России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения: 10.01.2019).

28. Тарабарко К.С. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практика реализации: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2017. 216 с.

29. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. ... д. полит. наук. М., 2013. 422 с.

30. Фурсов К.К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3. С. 129–133.

31. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.

32. Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. – М.: Проспект, 2018. 512 с.

33. Nye J. Soft power // Foreign Policy. N.Y, 1990. № 80. Pp. 153–171.

34. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / сост. и ред. Е.Г. Борисова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 184 с.

35. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

36. Wilson J.L. Soft Power as a Component of Russian and Chinese Discourse and Strategy Constructivist and Realist Interpretations [Electronic resource]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2309529 (date of access: 15.01.2016).

References

1. Ageeva V.D. Rol' instrumentov «myagkojsily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii v kontekste globalizacii: dis. ... kand. polit. nauk. Sankt-Peterburg, 2016.

2. Boyarkina A.V. «Myagkaya sila» kak politicheskij instrument realizacii vneshnej politiki KNR na rubezhe XX–XXI vv.: dis. ... kand. polit. nauk.

Vladivostok, 2015. 234 s.

3. Budaev A. V. Rol' «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii (na primere rossijsko-brazil'skih otnoshenij): dis. ... kand. polit. nauk. M., 2014, 200 s.

4. Burmatov V. V. Unikal'na li «myagkaya sila» dlya demokraticeskogo obshchestva // Vlast'. 2012. № 11. S. 9–13.

5. Vtoraya mezhdunarodnaya konferenciya «Soft power: teoriya, resursy, diskurs» (Rossiya, Ekaterinburg, 20 oktyabrya 2017) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1. S. 61–153; № 2. S. 103–162; № 3–4. S. 90–190; S. 229–275.

6. Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij № 33. Sovremennaya Rossiya I mir: al'ternativy razvitiya (Imidzh strany kak faktor «myagkoj sily» v mezhdunarodnyh otnosheniyah): sbornik nauchnyh statej / pod red. YU. G. Chernyshova. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017. 235 s.

7. Zaryanov E. P. Myagkaya sila kak harakternyj priznak politicheskogo vliyaniya velikoj derzhavy v usloviyah mnogopolyarnogo mira // Mirovaya politika. 2015. № 1. S. 89–122.

8. Kardanova A. A. Oksyumoronnost' kak proyavlenie kontaminacii v yazyke // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2009. № 2. S. 53–58.

9. Kovba D. M. «Myagkaya sila» kak politicheskaya strategiya gosudarstv Vostochnoaziatskogo regiona: dis. ... kand. polit. nauk. Ekaterinburg, 2017. 173 s.

10. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utv. Prezidentom RF V. V. Putiny 12 fevralya 2013 g. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (data obrashcheniya: 07.05.2017)

11. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V. V. Putiny 30 noyabrya 2016 g.) [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (data obrashcheniya: 07.05.2017)

12. Lebedeva M. M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podhody // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. № 3. S. 212–223.

13. Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (Ekaterinburg, 17 oktyabrya 2018). Nauchnoje elektronnoje izdanie / Red. O. F. Rusakova, D. M. Kovba – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2018. 110 s.

14. Naj Dzh. CHego Kitaj i Rossiya ne ponimayut v «myagkoj sile» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html> (data obrashcheniya: 03.03.2019).

15. Naumov A. O. «Myagkaya sila», «cvetnye revolyucii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka. – M.: ARGAMAK-MEDIA, 2016. 274 s.

16. Nejmark M. A. «Dilemmy «myagkoj» i «zhestkoj» sily: k urokam ukrajskogo krizisa // Problemy postsovet'skogo prostranstva. 2016. № 1. S. 5–37.

17. Panova E. P. «Myagkaya vlast'» kak sposob vozdejstviya v mirovoj politike: diss. ... kand. polit. nauk. M., 2012. 160 s.

18. Ponkin I. V. Tekhnologii «myagkoj sily» kak sredstvo disfunkcionalizacii i razrusheniya gosudarstva // Pravoobrazovanie. 2014. № 12. S. 95–111.

19. Ponomareva E.G. ZHeleznaya hvatka «myagkoj sily [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoj-sily/> (data obrashcheniya: 13.04.2016).
20. Ponomareva E.G. Sekrety «cvetnyh revolyucij». *Sovremennye tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov // Svobodnayamysl'*. 2012. № 5–6. S. 38–47.
21. Putin V.V. Rossiya i menyayushchijsya mir [Elektronnyjresurs]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (data obrashcheniya: 16.12.2017).
22. Rumi F., Matveev A.S. Vozmozhnosti i spol'zovaniya Rossiej «myagkoj sily» dlya preodoleniya nedoveriya v rossijsko-iranskih otnosheniyah // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, politologiya*. 2016. № 1. С. 173–177.
23. Rusakov V.M. Myagkaya sila voennoj moshchi // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi»*. 2017. № 3–4. S. 96–107.
24. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii iprava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 2010. Vyp. 10. S. 172–192.
25. Rusakova O.F., Bocharov A.V., Gribovod E.G. Konceptual'nye osnovaniya strategii cvetnoj revolyucii: teorii soft power, upravlyaemogo haosa i mediatizacii politiki // *Socium i vlast*. 2014. № 4. S. 42–47.
26. Sinchuk Yu. V. «Myagkaya sila» v mirovoj politike // *Strategiya «myagkoj sily» v kontekste informacionnyh vojn. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet*. 2017. С. 267–275.
27. Soveshchanie poslov I postoyannyh predstavitelej Rossii [Elektronnyjresurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902> (data obrashcheniya: 10.01.2019).
28. Tarabarko K.S. Myagkaya sila kul'tury Kitaya: konceptual'noe sodержanie I praktika realizacii: dis. ... kand. filos. nauk. CHita, 2017. 216 s.
29. Filimonov G. Yu. Rol' «myagkoj sily» vo vneshnej politike SSHA: dis. ... d. polit. nauk. M., 2013. 422 s.
30. Fursov K.K. «Myagkaya», «zhestkaya» i «umnaya» sila v politicheskom diskurse mezhdunarodnogo krizisa vokrug Ukrainy // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2014. № 2–3. S. 129–133.
31. Haritonova E.M. «Myagkaya sila» vo vneshnej politik egosudarstva: opyt Velikobritanii: dis. ... kand. polit. nauk. M., 2017.
32. CHumakov A.N. Global'nyj mir: stolknovenie interesov. – M.: Prospekt, 2018. 512 s.
33. Nye J. Soft power // *Foreign Policy*. N.Y, 1990. № 80. Pp. 153–171.
34. Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. *Mezhdisciplinarnyj analiz: koll. monografiya / sost. i red. E.G. Borisova*. – M.: FLINTA: Nauka, 2015. 184 s.
35. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. 376 s.
36. Wilson J.L. Soft Power as a Component of Russian and Chinese Discourse and Strategy Constructivist and Realist Interpretations [Electronic resource]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2309529 (date of access: 15.01.2016).

UDC 32.001

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.3750

SOFT POWER STUDIES IN THE RUSSIAN POLITICAL SCIENCE: ANALYSIS OF PROBLEMATIC-TOPIC FIELDS

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Kovba Darya Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the problems of conceptual understanding and theoretical reception of soft power in Russian political science. There are typical moments in the circulation of concepts in the world political science, which are reflected in the Russian developments of the concept of soft power. The following phases of the circulation of the concept of soft power in Russian political science are considered: the creation of a concept with its subsequent popularization; acceptance of the concept by the academic community, its adaptation to the tasks of the country's foreign and domestic policy, including the inclusion of the concept in the discursive field of scientific disciplines, as well as the process of its legitimation through figuring in official political documents; critical understanding of the concept and its update with new methodological approaches and the development of new subject-specific fields. The article highlights the main problem areas of the conceptual analysis of soft power in Russian political science.

Keywords:

soft power, hard power, Russian political science, reception of soft power concept, propaganda, inversion of soft power.